

В.Т. Рязанов

ЭКОНОМИКА РЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье анализируются природа и особенности рентной модели экономики. На примере экономики России раскрываются ее недостатки, которые особенно ярко проявились в условиях последнего мирового экономического кризиса. На основе анализа международного опыта обосновывается целесообразность выбора курса на диверсификацию российской экономики, используя вариант «новой индустриализации».

Ключевые слова: экспортно-сырьевая экономика, рента и ее виды, глобализация, мировой кризис, диверсификация, финансиализация, новая индустриализация.

Переход от экспортно-сырьевой к инновационной, высокотехнологичной экономике сегодня выдвинут в РФ в качестве стратегической цели экономического развития и, это, безусловно, правильная установка. Экспортно-сырьевая экономика обладает крупными недостатками, наличие которых в очередной раз подтвердил последний мировой кризис. Поэтому предварительно разберемся с основными ее характеристиками, чтобы более четко иметь представление о проблемах структурной перестройки российской экономики.

Сырьевая экономика, ее значение и основные характеристики

Сырьевая экономика может иметь два значения. Первое из них предполагает, что данная национальная экономика является ресурсообеспеченной и в этом своем качестве приобретает признаки конкурентного преимущества. При этом от полноты такой обеспеченности минеральными ресурсами зависит возможность создания на этой основе самодостаточной модели экономического роста с преимущественной ориентацией на внутренний спрос. Ресурсно-богатые страны в большинстве случаев характеризуются более высоким уровнем ВВП на душу населения, хотя для них и свойственны более низкие темпы экономического роста. В качестве наиболее яркого примера следует привести такие страны как Норвегия, Австралия, Канада, США, Новая Зеландия и Исландия, кото-

---

Виктор Тимофеевич Рязанов — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

рые достигли высоких показателей социально-экономического развития, обладая достаточно большими запасами ресурсов.

В принципе, экономика России по ресурсному параметру является одной из таких и теоретически может развиваться с опорой на самодостаточную модель экономического роста. Еще в большей степени она была присуща советской экономике в прошлом. Если ограничиться только обеспеченностью экономики углеводородным сырьем, то современная Россия по этому показателю имеет заметно лучшие позиции в сравнении с большинством развитых стран. В этих странах среднее потребление топлива в нефтяном эквиваленте составляет примерно 5 т на душу населения (в США и Канаде — около 8 т), но которое в основном обеспечивается за счет импорта. В Российской Федерации собственная добыча топливной ресурса находится в диапазоне от 5 до 10 т нефтяного эквивалента¹, что определяет ее независимость от поставок с мирового рынка, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

Следует иметь в виду, что экономика России отличается крупными объемами и многообразием имеющихся природных ресурсов. По многим из них наша страна занимает ведущее место в мире по разведанным запасам — природный газ (30% от мировых запасов), нефть — 10%, уголь — 12%. Причем в настоящее время на нее приходится в среднем 12% мировой добычи нефти, 28% — природного газа, 12% — угля. Но не только добычей энергоресурсов характеризуется российский вклад в копилку мировой экономики. Кроме энергоресурсов в России добывается 55% от мирового производства апатитов, алмазов — 26%, никеля — 22%, калийных солей — 16%, железной руды — 14%, цветных и редких металлов — 13%, и в ее недрах имеется немало других видов минеральных ресурсов². На такой природно-ресурсной базе в СССР была создана самая мощная в мире горнодобывающая промышленность.

Более полное представление о величине основных видов разведанных полезных ископаемых России дает оценка их стоимости. Согласно данным ООН, в настоящее время она может быть определена в величину примерно 30 трлн долл. или свыше 200 тыс. долл. на одного российского жителя. При этом прогнозный потенциал природных ресурсов оценивается в 150 трлн долл. Благодаря при-

---

¹См.: Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. № 6. С. 6.

²См.: Природно-ресурсный потенциал России и его экономическая оценка // Websurveys.Ru. URL: <http://websurveys.ru/region/ture12.htm> (дата обращения: 22.07.2011).

родным запасам наша страна оценивается как самая богатая страна в мире по размеру национального богатства. Согласно международным расчетам национального богатства, его величина в России превышает аналогичный показатель США в 2–3 раза, Германии — в 5–6 раз, Японии — в 18–20 раз³.

Сырьевая экономика приобретает свое второе значение, когда она становится рентно-сырьевой. Это означает, что данный сектор хозяйства занимает значительное, а в каких-то случаях доминирующее место в структуре народного хозяйства, имея в виду его долю в производстве ВВП, в формировании доходов государственного бюджета, в обеспечении занятости и т.п. Причем в экономике такого типа основной формой доходов становится рента, создаваемая в отраслях добывающей промышленности.

Так, по данным ВБ, в мировой экономике сформировалась достаточно большая группа стран, у которых доля рентного дохода в ВВП от производства топлива и добычи минерального сырья является значительной, что определяет соответствующую мирохозяйственную специализацию этих стран. Приведем страны с долей сырьевого сектора в ВВП, превышающей 30%. По неполным оценкам ВБ за 2001 г., это: Конго — 54,6%, Оман — 51,8%, Узбекистан — 49,8%, Кувейт — 48,4%, Нигерия — 43,0%, Саудовская Аравия — 42,5%, Азербайджан — 41,7%, Йемен — 36,4%, Ангола — 35,0%, Алжир — 33,6%, Иран — 31,6%, РФ — 31,3%⁴.

Для сравнения приведем аналогичные данные по развитым странам, также обеспеченным своими сырьевыми ресурсами и имеющим успешно работающий сектор добывающей промышленности, но с несопоставимыми значениями его доли в ВВП. Например, Канада — 5,1%, Норвегия — 5,6%⁵. Иначе говоря, можно иметь развитую добывающую промышленность, но, тем не менее, не оказаться в группе рентно-ориентированных стран и тем более в группе стран-рантье.

---

³См.: *Лойко П.Ф.* К проблеме оценки природных ресурсов и земли как составляющих национального богатства страны // *Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование.* 2002, №2–3 (11–12). Электронная версия: За правовую поддержку отечественных товаропроизводителей. URL: http://dpr.ru/journal/journal_9_7.htm (дата обращения: 22.07.2011).

⁴*Полтерович В., Попов В., Тонис А.* Механизмы... С. 7.

⁵Там же.

Экономическая природа ренты и рентных отношений

Рента в традиционной версии трактуется как перераспределяемый доход, получаемый при использовании земли и других природных ресурсов как истощаемых, так и воспроизводимых. Более конкретно, условиями ее появления являются, во-первых, ограниченность природных ресурсов, и прежде всего истощаемых, с существующей их устойчивой дифференциацией по природным условиям эксплуатации; во-вторых, действие монополии хозяйствования, которая ведет к закреплению используемых природных ресурсов за отдельными экономическими агентами. Можно считать, что рента своим источником имеет создаваемый прибавочный продукт, но в реальном хозяйственном процессе выступает частью цены реализации, представляя собой дополнительный (избыточный) доход сверх нормального (среднего), который возникает при наилучших и средних условиях хозяйствования на земле или при добыче минеральных ископаемых. Это связано с тем, что ограниченность ресурсов вынуждает страны их использовать при более худших условиях хозяйствования, а значит применять ценообразование не по средним, а по затратам замыкающих производителей. Вот, собственно, при таких обстоятельствах исторически возникла рента в хозяйственной практике, став одним из важных и наиболее дискуссионных разделов экономической теории.

В современной экономической теории земля со всеми ее недрами рассматривается как составляющая часть капитала, что приводит к отождествлению ренты с чрезмерным доходом (сверхприбылью) при условии дефицитности используемого любого монопольного ресурса. Более того, при таком подходе и заработная плата работника сверх ожидаемой величины (привычной или сложившейся) также будет трактоваться как получение экономической ренты, если работник обладает каким-либо редким трудовым качеством или в силу других причин занимает монопольное положение на рынке труда. В частности, это позволяет утверждать, что рента выступает как «плата за использование факторов производства, предложение которых фиксировано»⁶.

Расширительная трактовка ренты особенно стала активно использоваться в связи с потребностью объяснения природы появления избыточной прибыли в монополистических предпринимательских структурах в условиях НТП. В экономической теории Маркса ее возникновение объяснялось повышением произ-

---

⁶См.: Самуэльсон П.А., Нордхаус В.Д. Экономика. М., 1997. С. 285.

водительности труда, которое определялось в качестве способа производства относительной прибавочной стоимости. В современной экономике такая избыточная прибыль носит более устойчивый характер, выступая при этом как форма реализации монополии на интеллектуальную собственность, что сближает ее с природой рентных платежей.

Также есть основания выделять и такие распространенные ее виды как финансовая и административная ренты. В первом случае речь идет о получении дополнительного дохода, помимо ссудного процента, от выпускаемых производных финансовых инструментов, которые получают их эмитенты⁷, пользующиеся своим монопольным положением на финансовых рынках. Во втором — приходится принимать во внимание превращение «властного ресурса» в специфическую форму монополии, которая реализуется в виде коррупционных доходов чиновников за допуск частных структур на рынки, снятие разного рода ограничений, предоставление полезной информации и т.п.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, рентная природа экономики — это не только признак аграрной (докапиталистической) экономики, но и современного капитализма, которому все в большей степени присущ рентный характер. Поэтому изучение рентных отношений в природно-ресурсной сфере представляет собой одно из направлений исследования общих особенностей развития современного рентного капитализма. Хотя этим не исключается необходимость выявления специфики хозяйственной деятельности в отраслях, связанных с добычей минеральных ресурсов и, соответственно, возникает потребность в обосновании действия эффективного механизма распределения и перераспределения создаваемой в них ренты. Ведь в сырьевом сегменте экономики особое значение имеют экономические отношения между собственником природного ресурса, каковым за редким исключением является государство, и его пользователями (арендаторами) по поводу распределения ренты как сверхприбыли.

Рентные отношения в природно-ресурсной сфере в условиях глобализации приобретают характер мирохозяйственных отношений. Дело в том, что в настоящее время большинство товаров минерального происхождения и особенно углеводородное сырье превратились в международные товары, что привело к серьезным изменениям в механизме ценообразования. Формирование цен на такую группу товаров происходит на мировых товарных рынках. В этом случае

---

⁷Эмитент — финансовая организация, выпускающая в обращение ценные бумаги.

рента не просто распределяется между компаниями-недропользователями и государством, а перераспределяется между странами-экспортерами, имея в виду значительную роль государств в регулировании хозяйственной деятельности в природно-ресурсной сфере. Изменился также подход к определению замыкающего производителя, по которому формируется рыночный уровень цен. Если ранее замыкающая цена на сырье складывалась в рамках национального хозяйства в соответствии со спросом и предложением, формируемыми национальными потребителями и производителями, то на современном этапе она определяется затратами на добычу минеральных ресурсов в странах с худшими ее условиями и возможностями их приобретения в странах, являющихся основными потребителями. Прежде всего, такой характер ценообразования присущ для углеводородного сырья. В свою очередь появление новых крупных их потребителей (КНР, Индия, Южная Корея)⁸ наряду с расширением потребностей развитых экономик не могло не повлиять на динамику спроса, способствуя росту цен, в том числе за счет вовлечения в хозяйственный оборот более затратных месторождений углеводородного сырья (в частности, нефти, добываемой с морского шельфа, сланцевого газа).

Еще одной особенностью цен на многие сырьевые товары и, прежде всего, на нефть стало то, что на них оказывают существенное давление операции финансовых спекулянтов. Разного типа контракты на сырьевые товары и особенно нефть превратились в один из самых распространенных и привлекательных спекулятивных инструментов. Так, по оценкам, накануне мирового экономического кризиса в 2008 г. объем рынка нефтяных фьючерсов в 20 раз превышал объем реальных продаж нефти, в то время как в начале 1990-х годов такое превышение составляло пятикратную величину⁹. Это означает, что динамика и уровень цены на нефть определяются не столько балансом спроса и предложения, формирующемся на этом рынке, и даже не степенью влияния монополистов (ОПЕК), сколько зависят от действия финансовых игроков, что придает ее движению скачкообразность и непредсказуемость. В свою очередь, нефтяная рента выступает как превращенная финансовая рента.

---

⁸Основными потребителями нефти в 2009 г. были следующие страны: США — 842,9 млн т; КНР — 404,6 млн т; Япония — 197,6 млн т; Индия — 148,5 млн т; РФ — 124,9 млн т. При этом собственная добыча составила: США — 350 млн т; КНР — 189 млн т; РФ — 503 млн т (Источник: BP Statistical Review of World Energy 2010 // BP Global. URL: http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/global (дата обращения: 22.07.2011)).

⁹См.: *Федун Л.* Страна и нефть: вступить в ОПЕК // Ведомости. 2008. 17 ноября. С. 6.

Огромная роль спекулятивной составляющей в цене на нефть наглядно подтвердилась ее резким падением во время последнего мирового кризиса, не соответствующего масштабу сокращения спроса. Всего за несколько месяцев, в течение которых не произошло никаких крупных изменений в соотношении предложения нефти и реального на нее спроса, тем не менее, цена на мировых рынках упала почти в 4 раза (максимальное значение в июле 2008 г. превышало 147 долл. за баррель, а в начале декабря этого года цена падала ниже 40)¹⁰. И не менее характерным стал очередной взлет цены уже в посткризисный период благодаря закачиванию огромной массы ликвидности (в основном, долларовой) в мировую экономику. В результате ее значение стало превышать уровень 120 долл. за баррель весной 2011 г.¹¹

Отмеченные особенности сырьевой (рентно-сырьевой) экономики раскрывают общее представление о месте, роли и функционировании данного сектора народного хозяйства. Почему и когда в определении его роли возникают негативные оценки, в своей предельной форме выступающие в виде «ресурсного проклятия»?

Такого рода характеристики рентно-ориентированная экономика получает в случае, на что особо обратим внимание, когда она выступает в виде экспортно-сырьевой модели, что чаще всего и происходит. Именно в таком качестве возникают дополнительные проблемы в ее использовании и проявляются крупные недостатки. Рассмотрим главные из них на примере современной российской экономики.

Недостатки экспортно-сырьевой экономики

Во-первых, сырьевая специализация не позволяет обеспечить наилучшие результаты от участия в международном разделении труда, хотя бы из-за низкой доли добавленной стоимости в сырье и характера ее распределения. Если доходы от экспорта продукции с высокой долей добавленной стоимости без дополнительных механизмов могут распределяться и осваиваться внутри национальной экономики, выступая в виде прибыли у производителей и зарплаты у работников, а потому напрямую через формирование совокупного спроса создают стимулирующий импульс для дальнейшего развития производства. То этого

---

¹⁰См., напр.: Кузнецова Т. Итоги года. Часть вторая // Сайт «Финам.ру». URL: <http://www.finam.ru/analysis/newsitem3705A/default.asp> (дата обращения: 22.07.2011).

¹¹Например, 21 апреля 2011 г. котировка нефти Brent составила 125 долл. за баррель (См.: Индикаторы // Коммерсантъ. 2011. 22 апреля).

нельзя сказать от получаемых доходов от сырьевой продукции. Даже в условиях высоких цен на нее возникающие сверхвысокие экспортные доходы в первичной форме представляют собой ренту в виде «избыточной денежной массы», которая непосредственно остается либо в руках недропользователей (сырьевых компаний, которые предпочитают вывозить ее в оффшоры, растрачивать на удовлетворения своих непомерных потребительских запросов и т.п.), либо при соответствующей политике через перераспределительный механизм оказывается в руках государства, под благовидными предложениями чаще всего перенаправляется в финансовые активы других стран.

Иначе говоря, «нефтедоллары» плохо «встраиваются» в хозяйственные процессы внутри страны, подчеркнем, при условии либеральной рыночной организации ее экономики. Отсюда возникает впечатление об их избыточности для внутреннего использования и опасения по поводу заражения национальной экономики «голландской болезнью»¹² и разогревания инфляции.

Во-вторых, сырьевая специализация страны делает ее крайне уязвимой к внешним шокам, связанным с неустойчивостью цен на сырье на мировых рынках. За последние 50 лет цены на нефть в реальном исчислении колебались в значительном диапазоне. Отсюда дополнительные риски и угрозы для экономического развития страны, связанные с чрезмерно высокой зависимостью от факторов внешнего спроса, что оборачивается фактической потерей внутренних рычагов управления на макроэкономическом уровне. Когда же национальная экономика ослаблена, а политическая элита разобщена и лишена необходимых властных и геополитических амбиций, то страна и ее хозяйство вполне закономерно переходят в режим «внешнего управления» в своей явной или замаскированной форме.

Действие таких высоких рисков и угроз для национальной экономики наглядно проявилось в ситуации последнего мирового кризиса. Хотя РФ и не была в его эпицентре, тем не менее, масштабы падения оказались в среднем выше, чем в большинстве развитых и переходных экономиках, не говоря уже о БРИК. В 2009 г. падение ВВП в РФ составило (–7,9%), в то время как по данным МВФ, в мире в целом (–0,6%), в развитых странах (–3,2%), в США — (–2,6%), в Еврозоне — (–4,1%), в странах с переходной экономикой (–6,7%), в развивающихся

---

¹² «Голландская болезнь» — укрепление реального курса национальной валюты, которое возникает в экспортно-сырьевых экономиках из-за чрезмерного поступления в страну иностранной валюты, что ведет к ослаблению конкурентоспособности готовой продукции.

экономиках — (+2,5%). При этом в КНР в кризисный год рост ВВП сохранился на уровне (+9,1%)¹³.

Не помогли избежать и хотя бы заметно ослабить кризис созданные в этих целях на основе нефтедолларов так называемая финансовая подушка безопасности в виде 190 млрд долл., образующая Резервный фонд с Фондом национального благосостояния¹⁴, а также 475 млрд долл. золотовалютных резервов¹⁵. В результате в виде валютных активов была накоплена весьма внушительная по масштабам сумма в 665 млрд долл., которая превысила 40% ВВП страны по рыночному курсу. При этом динамика основных макроэкономических показателей, за исключением инфляции и реальных доходов населения в 2009 г., оказалась менее благоприятной, чем в 1998 г. Даже если учесть, что такое падение произошло после длительного повышательного тренда и из-за сильного перегрева экономики, все равно необходимый запас прочности российская экономика не приобрела. В свою очередь, выход из мирового кризиса для российской экономики также оказался более сложным, чем в 1999 г.

В-третьих, для стран с сырьевой специализацией по мере втягивания в международное разделение труда в большинстве случаев характерно неизбежное наступление периода с более низкими темпами экономического роста в сравнении со странами, которые не располагают большими запасами минеральных ресурсов или их вообще лишены. Неудивительно, что сырьевая специализация РФ на данном этапе также подошла к ситуации исчерпанности экспортно-сырьевой модели экономического роста. Она помогла обеспечить запуск восстановительного роста после масштабного и длительного кризиса, но не в состоянии поддерживать устойчивое и независимое от внешних факторов (шоков) социально-экономическое развитие страны. Трудно утверждать, что ее выбор был результатом сознательно продуманного и прорысчитанного решения. Ско-

---

¹³Обзор мировой экономики // Finoboz.com. URL: http://finoboz.com/index.php?option=com_content&task=view&id=1052&Itemid=1 (дата обращения: 22.07.2011).

¹⁴Совокупный объем средств Фонда национального благосостояния // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: <http://www1.minfin.ru/ru/nationalwealthfund/statistics/volume/index.php?id4=6412> (дата обращения: 22.07.2011); Совокупный объем средств Резервного фонда // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: <http://www1.minfin.ru/ru/reservefund/statistics/volume/index.php?id4=5796> (дата обращения: 22.07.2011).

¹⁵Золотовалютные резервы России сократились еще на \$22 млрд // РБК. URL: <http://top.rbc.ru/economics/20/11/2008/262100.shtml> (дата обращения: 22.07.2011).

рее всего, такая модель сформировалась спонтанно, но при этом она создавала некий условный баланс интересов ведущих бизнес-групп с политической элитой и с основными социальными группами населения. Достигнутый баланс и стал «выигрышной картой» для власти, декларируемой как «достижение стабилизации», рождая у ее представителей чувство самоуспокоенности, напоминая этим ситуацию в СССР в период бурного роста цен на нефть в 1970-е годы.

Заметим, что такая властно-экономическая конструкция опиралась на более приемлемую для социального большинства модель распределения ренты, чем это было в 1990-е годы. Для нее все же был характерен опережающий рост денежных доходов большинства групп населения. За 1999–2007 гг. ВВП в текущих ценах увеличился с 4,8 до 33,1 трлн руб., то есть в 6,9 раз. Его увеличение в сопоставимых ценах составило 74%. При этом среднемесячная номинальная зарплата возросла с 1523 руб. до 13542 руб. (в 8,9 раз) или в пересчете по обменному курсу с 61 до 529 долл. (в 8,7 раз). За этот же период реальные доходы населения в целом возросли в 2,4 раза. Сократилась и доля населения с доходами ниже прожиточного уровня — с 29,9% до 13,4%¹⁶. Но даже при такой модели распределения денежных доходов социальная дифференциация в обществе не сократилась, а увеличилась. По децильному коэффициенту¹⁷, согласно официальной статистике, она выросла в 2008 г. до значения 16,8 раз. В целом за годы реформ произошло двукратное его увеличение. И только впервые в 2009 г. этот коэффициент после периода непрерывного роста имел небольшое сокращение до 16,7 раз¹⁸.

Итак, итоги успешного, на первый взгляд, предкризисного десятилетия оказываются в результате малоутешительными в первую очередь из-за того, что в фазе восстановительного экономического подъема страны (1999–2007 гг.) решить задачу структурного разворота экономики не удалось. Более того, российская экономика еще глубже и прочнее погрузилась в экспортно-сырьевой сегмент международного разделения труда. Хотя стоит напомнить, что задача перехода к инновационной экономике была поставлена в президентском посла-

---

¹⁶Статистические сборники // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections> (дата обращения: 22.07.2011).

¹⁷Децильный коэффициент — этот коэффициент дифференциации, который рассчитывается как отношение среднего дохода 10% высокодоходной группы населения к среднему доходу 10% низкодоходной группы населения.

¹⁸Там же.

нии Федеральному собранию еще в 2000 г. и уже в то время она была более чем обоснованной и своевременной. Однако выдвинутая стратегическая задача развития оказалась всего лишь привлекательным лозунгом, не став реальной целью проводимой политики. На деле же внешняя зависимость экономики страны от конъюнктуры на мировых сырьевых рынках не ослабла, а усилилась. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют изменения в структуре российского экспорта. В этот период доля энергоресурсов в экспорте увеличилась с 51 до 61,5%, а вместе с другими видами сырья (металлы, лес и лесоматериалы) — достигла 70,4% (2008 г.)¹⁹. Что же касается инновационной активности компаний, то она, достигнув максимума в 2004 г., в последующие годы стала падать. Не случайно в президентском послании 2009 г. модернизация экономики уже была определена как способ «выживания нашей страны в современном мире».

Еще одним значимым признаком структурной деградации российской экономики стало существенное ухудшение возможности обеспечения сбалансированного федерального бюджета. Если в предкризисный период удавалось это делать вначале при цене на нефть в 35–40 долл. за баррель, а в последующем поддерживать бездефицитность бюджета при ее уровне в 60 долл. за баррель, то в проекте бюджета на 2012 г. при заложенной цене нефти в 93 долл./барр. запланирован бюджетный дефицит в 3% ВВП страны, а его величина достигнет 1,7 трлн руб. Для того чтобы бюджет при сложившихся затратах стал сбалансированным, цена нефти должна быть уже не ниже 115–120 долл. за баррель²⁰.

Не впечатляющий опыт политики диверсификации в российской экономике в новейшей истории вновь возвращает нас к проблеме ее активизации и выбора наиболее эффективной стратегии и тактики. И здесь необходимо прежде всего разобраться с причинами неудачи такой политики в предшествующем периоде, а также обобщить накопленный международный и отечественный опыт проведения таких структурных преобразований, нацеленных на превращение сырьевого сектора хозяйства в конкурентное преимущество.

---

¹⁹Там же.

²⁰См.: Кукол Е. Баррель не спасет // Российская газета. 2011. 5 июля. № 5519 (143). Электронная версия: Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2011/07/05/budget.html> (дата обращения: 22.07.2011).

Сырьевой сектор хозяйства как конкурентное преимущество: международный опыт

Начнем с того, что в мировом хозяйстве после «нефтяных шоков», которые произошли 1970-е годы, образовалась группа нефтеэкспортирующих и капиталозбыточных стран, которые смогли воспользоваться благоприятными внешнеэкономическими условиями и добились заметного улучшения своих позиций в мировой экономике и существенного повышения жизненного уровня населения. Достаточно устойчивый характер получения значительного по величине рентного дохода привел к формированию модели «рентного (рентно-ресурсного) капитализма» в периферийной зоне, которая вплоть до настоящего времени успешно реализовывалась в ряде стран и в первую очередь в странах Ближнего Востока²¹. Такой вариант рентного капитализма можно трактовать как его особую ветвь.

Стоит вспомнить, что в разгар разгона цен на углеводородное сырье в докризисный период в России также поднимался вопрос о перспективности и для нас рентно-ресурсной модели капиталистической экономики. Предполагалось, что теоретически она может рассматриваться в качестве одного из исходных вариантов успешного развития страны в будущем. Ее опорным пунктом было предположение о том, что мировая экономика вступила в длительную фазу развития с непрерывным ростом цен на энергоресурсы. Соответственно определенную популярность получила в тот период выдвигаемая идея о новой роли России в глобальной экономике как «энергетической сверхдержавы». Однако анализ возможности реализовать модель рентно-ресурсного капитализма в России свидетельствует о том, что она не в состоянии обеспечить для нас приемлемые экономические и социальные условия для развития даже при условии высоких цен на сырье.

В литературе приводились оценки вероятности ее успешности в экономическом плане. Они примерно так построены. Доказывается, что в странах с населением свыше 50 млн человек высокий уровень жизни лишь за счет углеводородного потенциала достичь в принципе невозможно. Это достижимо в основном для стран с численностью населения до 5 млн человек. Ведь чтобы обес-

---

²¹ Об особенностях рентного капитализма периферийной зоны мировой экономики см., например: Капитализм на Востоке во второй половине XX в. / Под ред. В.Г. Растяникова, Г.К. Широкова. М., 1995. С. 465–482; *Рязанов В.Т.* Рентная модель экономики и ее особенности // *Рязанов В.Т.* Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб., 2009. С. 261–271.

печить достойный уровень жизни необходимо экспортировать примерно 40–50 т нефтяного эквивалента в год на душу населения. Россия в настоящее время экспортирует примерно 3 т, даже если удвоить добычу нефти и газа, что нереально, она все равно не сможет вывозить больше 10 т Экспорт 3 т нефтяного эквивалента в год в расчете на душу населения даже при высоких мировых ценах на углеводороды обеспечивает валовую прибыль менее 100 долл. в месяц на человека²².

Это означает, что при нынешней численности российского населения только для поддержания сложившегося уровня социального развития подобных финансовых ресурсов недостаточно. Поэтому реализация варианта закрепления экспортно-сырьевой модели экономики будет означать фактическое превращение России в сырьевой придаток ведущих держав со всеми вытекающими многочисленными негативными экономическими и социальными последствиями. Все это определяет объективную необходимость трансформации модели рентно-ресурсной экономики. Это, естественно, не означает «свертывания» сырьевого сектора и отказа от заключенных долгосрочных экспортных контрактов в угоду развития сектора обрабатывающей промышленности. Тем более, что России такой разворот никто и не позволит. Речь в данном случае идет о переходе к новой модели экономической стратегии и политики, которая позволила бы значительно более эффективно использовать рентный ресурс для диверсификации экономики. При этом еще раз подчеркнем, что необходимый структурный сдвиг в народном хозяйстве предполагает предварающий поворот в экономической политике страны

В этой связи для нас особый интерес представляет вопрос о том, как обеспеченные сырьем индустриально развитые экономики смогли избежать попадания в ловушку экспортно-сырьевой экономики, наладив или сохранив производство готовой продукции, обеспечивая развитие на данном этапе производство высокотехнологичной и наукоемкой продукции. В такой ситуации возможно два варианта.

Первый вариант определяет политику использования своих минеральных ресурсов для создания многоотраслевого промышленного комплекса, выпускающего готовую продукцию широкого ассортимента. Он экономически предпочтителен и успешен в том случае, если производится конкурентоспособная про-

---

²²См.: Милов В. Может ли Россия стать энергетической сверхдержавой? // Вопросы экономики. 2006. № 9. С. 21–22.

дукция по международным критериям как по качеству, так и по затратам. В его осуществлении в наибольшей степени преуспели США, которые создали промышленный комплекс, инновационно ориентированный, и одновременно сформировали самый эффективный финансовый рынок как по масштабам, так и по разнообразию финансовых инструментов. Именно за счет налаженности и эффективности индустриально-финансовой рыночной системы США на протяжении всего XX в. удерживали лидерство.

При этом сырьевой (нефтяной) компонент сыграл свою немаловажную роль в достижении США лидирующих позиций. Для этого стоит напомнить, что в начале XX в., когда эта страна завершала свое восхождение на экономическую вершину, обеспеченность собственной нефтью и опережающие темпы ее добычи и переработки стали серьезными факторами такого успеха. Ведь более быстрый и масштабный переход от угольной к нефтяной экономике, который в США происходил с начала XX в., следует рассматривать как чрезвычайно важное условие для распространения двигателей внутреннего сгорания, которые в немалой степени предопределили автомобильный облик современного индустриального мира.

Вплоть до конца 1960-х США обеспечивали свою экономику собственной нефтью и только с этого периода приступили к ее импорту. С начала 1970-х годов начинается торможение и падение добычи нефти. И в настоящее время США остаются в числе стран с высоким уровнем добычи нефти, хотя при этом превратились одновременно в самого крупного импортера данного ресурса. Добавим еще такой факт. Всего несколько лет назад США занимали второе место в мире по добыче нефти после Саудовской Аравии, с которого их потеснила РФ.

Таким образом, пример развития США подтверждает то, что наличие запасов нефти и газа выступает крупным конкурентным преимуществом для страны, если осуществляется продуманная и обоснованная стратегия экономического развития, включая в качестве составного звена эффективное использование рентного ресурса. Поэтому неверным и абсурдным по своему экономическому смыслу представляется утверждение о том, что природное богатство России само по себе является чуть ли не главным препятствием для успешного ее развития.

Обратим внимание и на то, что в истории экономического развития XX в. имелся и отличный от опыта США сценарий строительства многоотраслевого народного хозяйства с развитой обрабатывающей промышленностью и с опорой

на собственные минеральные ресурсы. Речь идет о программе индустриализации в СССР. Не затрагивая всех ее деталей, отметим только два важных пункта в ее осуществлении. Во-первых, за счет наличия практически всего необходимого набора минеральных ресурсов советская экономика структурно оформлялась и развивалась в значительной мере за счет закрытой модели экономики, независимой от мирового рынка. Это был не только сознательно выбранный политический курс, но и в немалой степени вынужденный, из-за фактически существовавшей экономической блокады страны в послереволюционный период.

Во-вторых, в отличие от США, формирование многоотраслевого индустриального сектора в СССР происходило не на основе конкурентно-рыночного режима хозяйствования с опорой на частные компании как на локомотивы научно-технического прогресса, а с помощью создания планово-государственной модели экономики. Не станем касаться непростого вопроса о том, какой модельный вариант исторически является более эффективным. Важно то, что в конкретных исторических условиях сделанный выбор себя оправдал. Форсирование индустриализации, создание устойчивой и работоспособной экономики позволили основательно подготовить ее к Великой Отечественной войне. Советская военная экономика, конкурируя в тот период с экономикой практически всей континентальной Европы, обеспечила армию достаточным объемом вооружения, которая по многим видам была лучшей.

Обратимся к анализу второго варианта проведения эффективной экономической политики в индустриально-развитых странах с собственным и масштабным сырьевым сектором. Его можно проиллюстрировать на примере Англии и Австралии. Эти страны в силу своих более скромных экономических масштабов и относительно ограниченных запасов нефти и газа не пошли по пути создания мощного многоотраслевого промышленного комплекса, как это сделали США. Но они создали другую и не менее эффективную систему органичного встраивания нефтяного (газового) комплекса в национальную экономику через создание собственной эффективной финансовой системы, способной успешно абсорбировать масштабные рентные доходы, которые затем использовались, в том числе для поддержки и развития отраслей готовой продукции.

Выбор для России: «новая индустриализация» или «финансиализация»?

Если теперь обратиться к ситуации в современной России, то для ее оценки важно учитывать следующие обстоятельства. Она, как это было и в предшествующие периоды, остается страной с преимущественно сырьевой специализацией в международном разделении труда. Как при такой закрепившейся специализации страны обеспечить ее структурный разворот с переориентацией на производство готовой и, в конечном счете, высокотехнологичной продукции?

Безусловно, это непростая задача, требующая учета и оценки сложной совокупности необходимых предпосылок и условий, ограничителей и последствий как краткосрочного, так и долгосрочного плана. В самом общем и принципиальном отношении выбор должен быть сделан между двумя экономическими стратегиями, апробированными в мировой практике. Или современная Россия делает ставку на возрождение многоотраслевого промышленного комплекса, аналог которого сложился в советской экономике, иначе говоря, осуществляя стратегию «новой индустриализации». Или пойдет по пути создания собственного эффективного финансового сектора экономики, задача которого предваряющее аккумулятивное накопление рентных и других доходов, формирование финансовых рынков и институтов, обеспечение полной конвертируемости рубля, внедрение финансовых инструментов и т.п. Эту стратегию можно обозначить как «финансиализация» экономики. В конечном счете, она должна послужить целям последующего перевода накопленных сбережений в инвестиции по организации производства конкурентной готовой продукции.

Как и в большинстве аналогичных ситуациях выбора, оба варианта имеют исторические аналоги, обладая своими преимуществами и недостатками. В самом общем плане достоинством варианта «новой индустриализации» является то, что он может опереться на свой исторический опыт и еще сохранившийся индустриальный каркас. Он перспективен с точки зрения возможности построения сбалансированной и гармоничной экономики, менее уязвимой от внешних влияний, способной себя содержать и кормить, защищать и двигать вперед. Но у данного варианта есть серьезные ограничения и недостатки. В первую очередь, ясно, что его реализация предполагает выбор в качестве главной созидательной и движущей силы государства с его аппаратом при вспомогательной и обеспечивающей роли рыночных отношений. Однако то, что сегодня собой представляет

госаппарат, ставит вопрос о его способности провести новую индустриализацию.

Кроме того, для ее осуществления требуется замена экспортно-ориентированной модели экономического роста с переориентацией на его внутренние факторы и источники, что с неизбежностью предполагает усиление контроля над внешнеэкономическими отношениями, над движением капитала и т.п. Это, в свою очередь, предполагает отказ от ставшей привычной для бизнеса и общества открытости экономики, как и существенную коррекцию курса на продолжение либерализации.

Преимуществом второй экономической стратегии является то, что политика финансиализации продолжает рыночные преобразования, ориентированные на закрепление либеральной модели экономики. Теоретически не исключена вероятность того, что при наличии благоприятных условий и известной удачи, российская экономика сможет найти свою нишу в производстве готовой продукции на мировом рынке. Возможно, что эта продукция будет высокотехнологичной и наукоемкой.

Еще одним доводом в пользу данной стратегии является то, что она обладает уже некой инерционной силой, за которой стоит сложившийся слой бизнеса и чиновничества, заинтересованный в его реализации, сильное внешнее давление, формирующиеся привычки и стереотипы экономического поведения, адаптация значительной части населения к сложившемуся общественно-хозяйственному порядку, низкая организованность и сопротивляемость ущемляемых социальных групп к проводимой политике и т.п.

Вместе с тем, стратегии финансиализации присущи свои крупные недостатки. Прежде всего, сама возможность осуществления переориентации российской экономики в международном разделении труда на выпуск готовой продукции представляется весьма проблематичной хотя бы из-за того, что в мировой экономике острой проблемой является не недостаток, а избыток производственных мощностей. Кроме того, как продемонстрировал недавний наш опыт хозяйствования, сам по себе рынок крупные структурные сдвиги в условиях открытости экономики, а тем более при ее глобализации, обеспечить, в принципе, не в состоянии. Поэтому если и удастся добиться диверсификации, то она произойдет, скорее всего, в весьма отдаленной перспективе.

К этому следует добавить еще одно важное обстоятельство. Даже если наша экономика на каком-то этапе сможет успешно перестроиться в системе

международного разделения труда, то эти сегменты выпуска готовой продукции превратятся в соответствующие «подразделения» глобально организованного хозяйства, функционирующие формально внутри национальной экономики, но не работающие на нее. В этих условиях не создать национально ориентированный и многоотраслевой комплекс по производству готовой продукции, который реализовывал бы национальные экономические интересы и ориентировался бы на внутренний спрос. Экономика даже в этом случае окажется уязвимой к внешним шокам и изменениям спроса на мировых рынках и будет обслуживать более сильных глобальных игроков.

Если подвести предварительный итог, то получается следующее. Объективный анализ факторов и ограничений, которые сформировались в современной экономике России, свидетельствует, что как один, так и другой варианты диверсификации являются труднодостижимыми с точки зрения оценки реального положения дел. Фактически речь идет, к сожалению, о возникновении ситуации тупика, смысл которого в непреодолимости ухода от экспортно-сырьевой модели на данном этапе развития.

Поясим еще раз данный вывод. Вариант проведения новой индустриализации, при всей его стратегической перспективности, гасится отсутствием требуемой для ее запуска активной субъекта, вооруженного сильной политической волей, национально ориентированного и на деле заинтересованного в успехе. И при всем этом, опирающегося на достаточную социальную поддержку, возрождение значения созидательного труда и творческую активность «снизу». Коррупционность и космополитичность, распространенные в правящей элите, а также размагниченность общества, не говоря уже о множестве других болезненных явлениях — все это на данный момент труднопреодолимые барьеры.

Что касается варианта финансиализации российской экономики, то и у него также мало шансов обеспечить необходимый структурный разворот. Хотя он в своей основе, казалось бы, более реалистичен, что подтверждается нынешними процессами, вновь возвращающими экономику России к продолжению курса на приватизацию и либерализацию. Вместе с тем следует учитывать, что его конечным результатом станет сохранение доминирования экспортно-сырьевой экономики с ее еще более плотным встраиванием в глобальную пирамиду спекулятивно-финансовой экономики и с вкраплением разрозненных сегментов производства готовой продукции, скорее всего в виде полуфабрикатов, комплектующих деталей, а также производства по зарубежным лицензиям.

Если теперь обратиться к анализу содержания выдвигаемых ныне во властных структурах идей, призванных осуществить структурный разворот экономики России, то их можно определить как одновременное достижение двух стратегических целей — проведение модернизации экономики и создание в стране Международного финансового центра. Заметим, что, строго говоря, они плохо между собой стыкуются, если понимать модернизацию как задачу воссоздания национального индустриально комплекса. Однако, судя по оценкам и планам, модернизация понимается как формирование автономного и передового сегмента научно-индустриального производства, который мог бы выступить локомотивом для дальнейшего экономического роста и обеспечил бы для него ведущие позиции в будущей экономической модели. В действительности, скорее всего, получится следующее: при полуразрушенной промышленности в стране, естественно, рассчитывать на масштабный внутренний спрос на инновации и новые технологии вряд ли придется. Поэтому формируемый высокотехнологичный и наукоемкий сектор преимущественно будет ориентирован на внешний спрос. Этим, возможно, разрешится противоречие поставленных целей, но не будет обеспечено восстановление целостности народнохозяйственного комплекса. К тому же технологическая рента в полном объеме не будет присваиваться в стране, поскольку это возможно, когда инновации не только создаются, но и внедряются в своей национальной экономике. Ведь основная часть добавленной стоимости содержится в стоимости продукции массового производства, реализующей нововведения. Не говоря уже о том, что за развертыванием такого крупносерийного производства стоит создание новых рабочих мест, закрепляются традиции организации сложного производства и, в конечном счете, улучшается облик всего промышленного комплекса.

В дополнение к обозначенному выскажемся по поводу создания Международного финансового центра в России. Обращает на себя внимание его явная утопичность. Складывается впечатление, что предпосылки его создания сводятся к правовым изменениям (снижению налогов для инвесторов, отмене разного рода ограничений и т.п.), строительству комплекса зданий («делового центра»), насыщенного современной аппаратурой, и обеспечению комфорта для сотрудников и инвесторов. (Точно также привлекательность инновационного центра «Сколково» для инноваторов можно свести к наличию полей для гольфа). При этом недооценивается приоритетность экономических функций такого центра, определяемых, в частности, ролью национальной валюты в общем объеме меж-

дународных расчетов, а она в нашем случае не превышает 0,5%. Или привлекательностью российского рынка как центра притяжения капитала. Отсюда не случайно, что по данным международного индекса GFTI, который выставляет индексы международных финансовых центров, Россия в 2009 г. находилась на 68-м месте в мире из 75²³.

Но еще важнее другое обстоятельство. Зачем вообще нынешней России создавать международный финансовый центр, предполагая его открытость и незащищенность? Фактически речь идет о весьма рискованном стремлении еще более плотно и безальтернативно ввязаться в мировую спекулятивно-финансовую сеть, которая свою разрушительную миссию вполне наглядно продемонстрировала в последнем мировом кризисе. Конечно, кредитно-финансовую систему в РФ необходимо укреплять и развивать. Но, сохраняя ее в национально-воспроизводственных координатах, с выходом в перспективе на углубление интеграции с финансовыми системами стран Таможенного союза и ЕврАзЭС, то есть с международными организациями, в которые входит наша страна и которые для нас представляют повышенный интерес.

Возвращаясь к выводу о тупике, в котором оказалась экономика современной России, тем не менее, не станем все сводить к сугубо пессимистической оценке. Сформулированный вывод не означает, что вообще нет никаких шансов для выхода из такой непростой ситуации, а любые действия бесполезны. Если исходить из потенциальной перспективности и предпочтительности курса на проведение новой индустриализации, то все-таки еще раз обратимся к правомерности его постановки, прекрасно осознавая все сложности и преграды, которые на его пути стоят. В этой связи усилим данную позицию двумя дополнительными аргументами.

Во-первых, если проводимая экономическая политика в прошлом не обеспечила требуемой диверсификации, то ее продолжение в текущем периоде с высокой вероятностью приведет к таким же результатам. Не только теоретические выкладки, но и политико-экономические программы (решения) в любом случае должны проверяться практикой. Поэтому, чем раньше будет осуществлен разворот в политической сфере, тем больше шансов добиться успеха в реальной диверсификации российской экономики в будущем.

---

²³ См.: Мереминская Е. 27 советников Медведева // Газета.ru. URL: <http://pda.gazeta.ru/finance/2011/03/11/3551569.shtml> (дата обращения: 22.07.2011).

Во-вторых, выдвижение курса на новую индустриализацию, при всей его нынешней нереалистичности, схож со спасательной операцией по подъему тонущего корабля, какой сегодня стала российская индустрия. Когда тонет корабль, то первое что надо делать — при всех невероятных трудностях и невозможностях — не дать ему затонуть. Другими словами, остановить деиндустриализацию, какими модными идеями ее не оправдывали, трактуя в одном случае как переход к «сервисной», в другом — к «информационной» экономике. Возвращение России в ранг научно-индустриальной державы — это магистральный путь, опирающийся на свой исторический опыт и способный на деле обеспечить нормальную жизнедеятельность и целостность страны.

Новая индустриализация: первые шаги

Прежде всего, правящей элите необходимо четко осмыслить всю сложность и драматичность возникшей ситуации. Это означает, что в области экономической идеологии должны быть существенно скорректированы три ключевых пункта.

Во-первых, реально диверсифицировать экономику России возможно, если сырьевой сектор в своем непосредственно ресурсном и в финансовом (рентном) вариантах станет опорным звеном в структурном развороте экономики. Поэтому следует скорректировать модель экспортно-ориентированного экономического роста, в нашем случае закономерно превращающуюся в экспортно-сырьевую.

Во-вторых, осуществление политики реальной диверсификации экономики предполагает не менее существенную коррекцию стратегии неоллиберализма и дерегулирования. Безусловно, это предполагает высокую эффективность государственного управления, даже при условии неизбежных его издержек — бюрократизации и коррупции. Старый советский опыт хозяйствования и нынешняя практика КНР показывают, что при всех недостатках такой системы она может быть перенацелена на обеспечение народнохозяйственных интересов, выступая как единственно возможная альтернатива разгулу и стихии частных интересов. К этому добавим, что системные риски, связанные с природными и техногенными катастрофами, перманентными террористическими угрозами и разгулом криминала, лишь получают дополнительное усиление по мере свертывания государственной деятельности и ослабления институтов государства.

В этой связи сошлемся на пример Китая, экономика которого избежала и «азиатского кризиса» (1997–1998) и мирового кризиса (2008–2009 гг.) именно благодаря сохранению в руках государства необходимых рычагов управления и успешной деятельности госаппарата. Выстоять и сохранить потенциал социально-экономического развития в условиях двух мощных мировых потрясений, разве это не повод, если не для подражания, то для изучения? Хотя и в одном и в другом случае многочисленные западные и российские либеральные аналитики предвещали ему неизбежный экономический крах. Можно предположить, что Китай и дальше будет укреплять свои позиции в экономическом соревновании с Западом, в том числе из-за его самоуверенности и недооценки стремительно растущего конкурента. Сказанное не означает, что КНР обречен на непрерывный рост, у него имеется немало своих сложных проблем и рисков, но это уже вопрос будущего, ответ на который связан с тем, насколько он сможет удержаться на своей стратегической позиции.

Попутно отметим, что нам следует отказаться от привычного поиска эталонов экономического чуда только с ориентацией на США и другие страны Запада. Сегодня для нас более актуален и ценен китайский опыт и наш опыт индустриализации. Естественно, речь не идет о простом копировании, которое по многим причинам сегодня невозможно, да и ненужно. Но искать новые идеи и нестандартные решения, опираясь на «советско-китайский опыт» вполне оправданно, имея в виду его как положительные, так и негативные стороны.

При этом надо понимать, что возрождение государства в качестве созидательной и направляющей силы в преобразовательной деятельности не равнозначно простому возвращению в его руки утраченных в прошлом активов. Как приватизация не означает автоматическое появление эффективного собственника, так и сама по себе национализация актива не становится гарантией его эффективного (народнохозяйственного) использования. В сложившейся в нашей стране системе управления государственной собственностью переход актива в руки государства чаще всего оборачивается переходом к контролю от частных собственников к таким же «частным лицам», но в виде государственной бюрократии со своими корыстными интересами, при еще более ослабленной ответственности за принимаемые решения и несменяемости.

В этих условиях повышение эффективности государственного управления предполагает использование не только контроля рынка, идя по пути тотальной маркетинга государственных предприятий или их обратной прива-

тизации, но и в не меньшей степени задействования непосредственного и жесткого контроля со стороны общества за принимаемыми решениями и используемыми ресурсами (бюджетными средствами). Тотальная подотчетность, открытость, повсеместная конкурсность не только на госзаказы, но и на занимаемые должности, зависимость доходов и служебного роста чиновников от результатов их деятельности и другие аналогичные процедуры — все это должны стать нормой в сфере государственного управления.

В-третьих, структурная перестройка должна рассматриваться как поэтапная и долгосрочная программа, последовательно и упорно реализуемая, а не как стремительный прыжок в новое высокотехнологическое качество экономики или выигрышный предвыборный ход. В этом случае принципиальную роль играет даже не столько проработанность долгосрочной программы преобразовательной деятельности, сколько реальная перестройка интересов — в первую очередь власти и бизнеса — с их переподчинением от обслуживания экспортно-сырьевого сектора экономики на общенациональные интересы сбалансированного развития всего народнохозяйственного комплекса.

Что собой могут представлять первые шаги в хозяйственной сфере, если выдвигать программу проведения новой и масштабной индустриализации как средства возвращения России статуса научно-индустриальной державы, которой она приобрела упорным трудом прошлых поколений, о чем нынешним руководителям не грех помнить?

На этот счет претендуют самые разные решения, поскольку слишком много позитивного утрачено, а негативного накоплено. По своей значимости, видимо, такими шагами являются даже не столько собственно экономические, сколько политические и социальные сдвиги. Изменение качества самой власти, восстановление авторитета созидательного труда, нормализация социального климата в обществе и так далее — все это предвещающие шаги, без которых трудно рассчитывать на успех в хозяйственной сфере. Однако это особая тема и, признавая ее приоритетность, тем не менее, обратимся непосредственно к области экономических решений. В ней, на наш взгляд, стоит в первую очередь заострить внимание, как это ни парадоксально, на сырьевом секторе. Именно потому, что на данный момент он выступает «той курицей, которая несет золотые яйца».

Дело в том, что переход от сырьевого к инновационному типу развития чаще всего понимается как создание новых предприятий и секторов хозяйства,

в которых и должна рождаться «новая экономика» — наукоемкая и высокотехнологичная. При этом почему-то за скобками остается обсуждение вопросов модернизации нефтяной и газовой промышленности, других отраслей сырьевого сектора, сельского хозяйства. В результате эти отрасли хиреют, технологии устаревают, оборудование изнашивается. Все это ведет не только к снижению эффективности производства, но и потенциально к падению народнохозяйственной отдачи от них с соответствующими потерями финансовых источников для социально-экономического развития и структурной перестройки.

В противоположность такому подходу сформулируем альтернативную версию: инновационный сектор должен развиваться не путем вытеснения и замещения традиционных отраслей и производств агро-индустриальной экономики, а уже с самого начала быть ориентированным на их технико-технологическое обновление, которое должно придать исторически профильным отраслям страны высокотехнологичный и наукоемкий облик.

В качестве примера выделим некоторые производственно-экономические параметры, характеризующие современное состояние нефтяной промышленности России.

Так, текущий коэффициент извлечения нефти (КИН) в РФ снизился в сравнении с советской плановой экономики более, чем в 2 раза — с 50–55 до 20–25%. Хотя даже при используемой ныне не самой эффективной технологии его значение должно быть не менее 32–35%²⁴. В нашем случае сдерживающим фактором становятся сложившиеся условия хозяйствования (в частности, налоговый режим) и особенности предпринимательства в этой сфере.

Второй пример касается глубины переработки нефти в России. По данным Росстата за 12 лет (1998–2010 гг.) она повысилась с 64 до 71,2%. Ее уровень сильно отстает от развитых стран (85–95%)²⁵.

При этом в утвержденной в 2009 г. правительством РФ Энергетической стратегии страны до 2030 г. прогнозируются далеко не столь впечатляющие изменения в эффективности работы нефтяной отрасли. Так, доля переработки нефти в общей добычи должна измениться следующим образом: 2008 г. (факт)

---

²⁴См.: *Киммельман С.* Куда в России девается нефтяная рента // Промышленные ведомости. 2006. № 4. Электронная версия: Промышленные ведомости. URL: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=768&nomer=28> (дата обращения: 22.07.2011).

²⁵См.: *Галиев Р.Г.* Низкая глубина переработки тянет экономику назад // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/energy/2006-12-12/11_glubina.html (дата обращения: 22.07.2011).

— 48,5%; 2020 г. — 48,3%; 2030 г. — 56,1%. В свою очередь, глубина переработки нефти должна возрасти с текущего уровня в 72% до 84% в 2020 г. и 89% в 2030 г.²⁶ Тем самым, на 20 лет растягивается срок приближения к нынешнему стандарту переработки нефти. Технологический рынок в нефтяной отрасли, которая является главным поставщиком валюты для страны, даже и не прогнозируется.

При этом следует учитывать то, что парадокс заключается в том, что сырьевым компаниям с точки зрения их прибылей выгоднее вывозить сырую нефть и продукцию с низкой степенью переработки. Этим снижается народнохозяйственная отдача от использования данного ресурса. Поэтому задача государства сломить такую низкую заинтересованность компаний (преимущественно частных), используя необходимые экономические рычаги, усиление контроля и не исключая возможности их национализации (например, в форме восстановления государственной монополии на вывоз сырья).

Что касается технологической составляющей нефтегазовой промышленности, то следует напомнить, что наша страна исторически была одним из наиболее ценных поставщиков инноваций в добыче сырья, и особенно нефти (газа), учитывая традиционную развитость горнодобывающей промышленности. Несколько примеров: в 1848 г. в стране была впервые в мире начата добыча нефти из буровой скважины. В последующем основы учения о нефти были заложены отечественными и продолжены далее советскими учёными. Наконец, одна из последних технологий гидроразрывов пластов при добыче нефти была разработана советскими инженерами и т.д.

К этому следует добавить, что в советской экономике успешно действовала отрасль по производству оборудования для нефтегазовой промышленности. Сегодня отечественный уровень развития производства и технологии для нефтегазовой промышленности таков, что почти все современные ее образцы приходится закупать в странах Запада. По словам министра энергетики РФ Сергея Шматко, в ближайшие годы прогнозируется, что российские нефтегазовые компании направят на своё развитие 8,5 трлн рублей, из них на современное оборудование — 3,2 трлн рублей²⁷. Встает вопрос, кто будет его поставщи-

---

²⁶См.: Бушуев В., Крюков В., Саенко В., Томин С. Развитие нефтяной промышленности России // Нефтегазовая вертикаль. 2010. № 13–14. С. 6, 8.

²⁷См.: Шматко С.: нефтегазовые компании направят на свое развитие 8,5 трлн руб. // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/ecomony/20110613/387808658.html> (дата обращения: 22.07.2011).

ком. Хотя не надо больших расчетов, чтобы выявить потенциальную значимость программы технологического обновления как для самого энергетического комплекса, так и для реального инновационного развития смежных отраслей народного хозяйства. Иначе говоря, ТЭК сам должен превратиться в значимый наукоемкий и высокотехнологичный комплекс и одновременно стать генератором распространения инновационной волны по всему народному хозяйству.

Еще одним результатом повышения народнохозяйственной эффективности ТЭК станет расширение объема финансовых ресурсов, которые могут пойти на цели диверсификации. Поэтому закономерно возникает проблема эффективного использования средств, получаемых от экспорта энергоресурсов. Они на данном этапе оказались по сути дела замороженными для целей структурной перестройки экономики РФ, а само государство при этом превратилось в основную экспортер капитала²⁸.

Как сделать, чтобы эти средства стали ресурсом для диверсификации российской экономики?

Само по себе их размещение за рубежом означает не только вывод из российской экономики, но и превращает эти ресурсы фактически в способ дотирования иностранных потребителей нашего сырья, тем самым обеспечивая их более лучшие конкурентные позиции. Поэтому практика вывода «нефтедолларов» в зарубежные финансовые активы, по крайней мере, должна быть законодательно ограничена определенным уровнем. Кроме того, в сложившихся условиях было бы оправданно рассмотреть вопрос о переподчинении Фонда национального благосостояния (ФНБ) из непосредственного управления Минфина с одновременным изменением характера его использования. Дело в том, что в настоящее время этот фонд используется для покрытия дефицита бюджета Пенсионного фонда и вкладывается в основном в финансовые активы развитых государств и международных финансовых организаций. Получается, что он не предназначен для выполнения задачи по диверсификации российской экономики. Вряд ли это правильно.

---

²⁸Так, объем размещенных средств только в долговые обязательства американского казначейства составил 151 млрд долл. (декабрь 2010 г.). В целом же? согласно отчету ЦБР, резервные валютные его активы в значительной степени (90,7%) были инвестированы в ценные бумаги иностранных эмитентов, в основном гособлигации США и других развитых стран (См.: Известия. 2009. 19 августа).

В этой связи было бы целесообразно выделить из ФНБ часть средств для аккумуляции их в специальном инновационно-инвестиционном фонде как внебюджетном, который управлялся бы специально созданным советом на основе научно-общественной экспертизы и экономических критериев использования средств, накопленных в таком внебюджетном фонде, внутри страны. Формирование совета и контроль за его деятельностью осуществлялся бы законодательной властью. Назначение фонда — поддержка российских институтов развития через организацию софинансирования наукоемких производств, перспективных научно-технических разработок, экологических программ и тому подобного, что имеет большое значение для формирования конкурентных преимуществ российской экономики в мировой экономике. Он может стать одним из важных инструментов ослабления сырьевой специализации России и осуществления структурного разворота ее народного хозяйства. Опыт создания таких внебюджетных фондов имеется и в большинстве нефтедобывающих стран, где они создаются как фонды поддержки развития будущих поколений страны.

Подводя общий итог, сделаем такое заключение. Определение стратегического приоритета в развитии экономики России через выдвижение программы проведения новой индустриализации объективно назрело, учитывая хотя бы масштабы деиндустриализации в стране. Сама ее постановка может стать для власти и общества мобилизирующим фактором. При всех объективных и субъективных барьерах и ограничениях, стоящих уже на этапе выдвижения программы, не говоря даже об ее реализации, тем не менее, решаемая на ее основе цель — создание экономики, сбалансированной, гармоничной и независимой от внешних шоков, — оправдывает и исторически подкрепляет такой выбор.

Источники и литература

1. Бушуев В., Крюков В., Саенко В., Томин С. Развитие нефтяной промышленности России // Нефтегазовая вертикаль. 2010. № 13–14. С. 6, 8.
2. Галиев Р.Г. Низкая глубина переработки тянет экономику назад // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/energy/2006-12-12/11_glubina.html (дата обращения: 22.07.2011).
3. Капитализм на Востоке во второй половине XX в. / Под ред. В.Г. Растяникова, Г.К. Широкова. М., 1995.

4. *Киммельман С.* Куда в России девается нефтяная рента // *Промышленные ведомости*. 2006. № 4. Электронная версия: *Промышленные ведомости*. URL: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=768&nomer=28> (дата обращения: 22.07.2011).
5. *Кузнецова Т.* Итоги года. Часть вторая // Сайт «Финам.ру». URL: <http://www.finam.ru/analysis/newsitem3705A/default.asp> (дата обращения: 22.07.2011).
6. *Кукол Е.* Баррель не спасет // *Российская газета*. 2011. 5 июля. № 5519 (143). Электронная версия: *Российская газета*. URL: <http://www.rg.ru/2011/07/05/budget.html> (дата обращения: 22.07.2011).
7. *Мереминская Е.* 27 советников Медведева // *Газета.ru*. URL: <http://pda.gazeta.ru/financial/2011/03/11/3551569.shtm> (дата обращения: 22.07.2011).
8. *Милов В.* Может ли Россия стать энергетической сверхдержавой? // *Вопросы экономики*. 2006. № 9.
9. *Полтерович В., Попов В., Тонис А.* Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // *Вопросы экономики*. 2007. № 6.
10. *Рязанов В.Т.* Рентная модель экономики и ее особенности // *Рязанов В.Т.* Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб., 2009.
11. *Самуэльсон П.А., Нордхаус В.Д.* Экономика. М., 1997.
12. *Федун Л.* Страна и нефть: вступить в ОПЕК // *Ведомости*. 2008. 17 ноября.